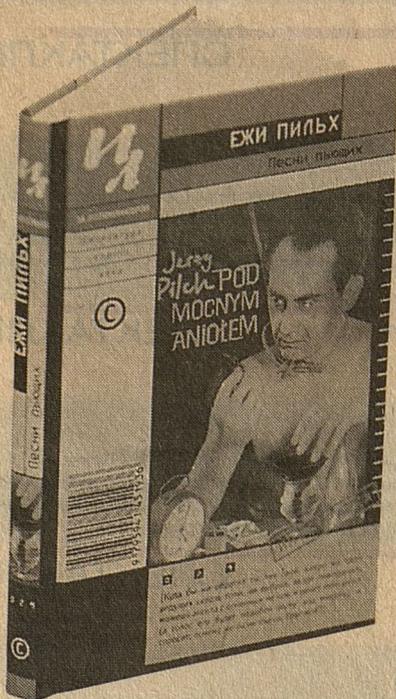

40° по Ерофееву

роман Ежи Пильха «Песни пьющих»

Пильха Ежи. Песни пьющих / Перевод с польск. К. Старосельской. — М.: Иностранка, 2004. — 191 с.

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Ежи Пильх — один из наиболее популярных писателей современной Польши, лауреат самой престижной польской литературной премии «Ника». Роман Пильха «Песни пьющих» — печальная и вместе с тем просветленная «алкогольная сага».

Относиться к роману как к асимметричному зеркалу собственного бытия, не особенно заботясь при этом о сюжете, сейчас немодно. Спонтанные размышления, в которые нужно вчитываться, нынче тоже мало кого волнуют. И не столько потому, что писатели с тонкой душой перевелись или читатель такой черствый пошел, сколько потому, что писать в таком ключе очень трудно — язык, управляющийся от кризиса и вырабатывающий средства для современного повествования, похоже, пока почти лишен средств для воспроизведения современного дневника и современной исповеди.

Тем не менее роман Ежи Пильха «Песни пьющих», широко читаемый и весьма популярный в Польше, — одна из тех книг, где дело не в сюжете, а в красноречии, интонации и той особой нюансировке, которая бывает

присуща только лирическому монологу. Некое подобие сюжета имеется. Однако об интриге или сколько-нибудь насыщенной сюжетной линии говорить уже не приходится. Описание персонажей часто важнее событий, а в рассказах главного героя царит роскошная обрывочность и хаотичность — недаром он делирант, пациент отделения, где лечат людей с симптомами алкогольного бреда.

Клиника, где герой романа, писатель Ежи Пильх, проводит значительную часть своей жизни, уже стала для него местом, психологически совершенно незаменимым — в конце концов, только там есть люди, с которыми он может общаться как с близкими себе, в силу общего алкогольно-делириозного мироощущения. С другой стороны, квартира писателя часто предстает местом куда более мрачным, чем клиника — там он пребывает в одиночестве, а еще там царит хаос, что тоже угнетает героя, так как душа его, несмотря ни на что, стремится к высшему порядку.

Когда читаешь роман, напрашивается сравнение с Венедиктом Ерофеевым — тем более что для Пильха это имя, судя по всему, относится к «области неподвижных звезд»: Ежи прямо упоминает о духе Ерофеева, витающем над головами собутыльников, и даже приводит характерную цитату из Венечки. Есть кое-что общее и в стиле: временами у Пильха появляется то же пародийное

резонерство и псевдоназидательность, та же склонность к травестированному библейскому слогу. Как и Венечка, Ежи не перестает удивлять контрастом между подтвержденностью алкогольному безумию и способностью изысканно выражаться. Подобно герою романа «Москва-Петушки» он занимает привилегированное положение среди алкоголиков, будучи интеллектуалом и владея тайной художественного письма. Вдобавок ко всему возникает знакомый по ерофеевской прозе соблазн отождествить героя с автором.

Однако Ежи совершенно не выглядит копией или эпигоном Венедикта — прежде всего потому, что находится в других условиях и рассказывает о совершенно ином социальном и психологическом опыте. Проза Ерофеева была реакцией на знаки, смыслы и языковые жупелы гиперидеологизированного тоталитарного пространства, а наш современник Ежи, напротив, живет в идеологическом вакууме, и алкоголическое бытие в чистом виде для него решительно преобладает над гротеском. Скоморошеская перекличка с официозом отчасти заменена у него диалогом с лютеранской и католической традициями и рефлексией над ними. Наконец, мир Ежи более высокие трагические ноты, он умеет брать высокие трагические ноты, но финал романа все же светлый. Что ни говори, а на Западе и бредят по-другому, чем в России.

21.04.04

Ежи

Пильх